

из крестьянских богатеев. Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над десятками миллионов, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, столыпинская «реформа» проводиться не может»⁴.

Заметим, что для Владимира Ильича здесь, как и в других характеристиках премьера, важна не столько личность, сколько политическая и классовая линия правительства Петра Аркадьевича. Ленинские оценки предопределили содержание высказываний о «столыпинских реформах» в советском политическом и историографическом дискурсе.

Ещё до ленинской брани кадет Фёдор Измайлович Родичев изобрёл выражение «столыпинский галстук»⁵. Помимо либералов, резкой критике подвергали премьера многие черносотенцы и даже умеренные националисты — якобы за недостаток «национального» начала в политике⁶. В этом смысле характерно само название первой книги о Столыпине, вышедшей из-под пера черносотенца В. П. Соколова, — «Страшная правда»⁷.

Одновременно уже при жизни премьера возникали мифы о его «бесстрашии», «мудрости», «твёрдости», которые транслировались прежде всего на страницах подконтрольной правительству печати. Образ Столыпина, сформированный при его личном деятельном участии, — пример первой «пиар-кампании» власти, проводимой в условиях относительно свободного цензурного режима, порождённого революцией 1905–1907 годов. Зримым результатом этой кампании и прижизненным «памятником» новому премьеру стало издание «Председатель Совета министров Пётр Аркадьевич Столыпин» (СПб. 1909). Оно было составлено Е. В. Варпаховской и представляло собой своеобразный дайджест высказываний официальной прессы о Столыпине и пересказов уже выработанных в официальном дискурсе стереотипов. Картина, данная в компиляции Варпаховской, содержит уже почти все элементы будущего мифа (в скобках мы приводим страницы из книги 1909 года).

Столыпин — сын севастьяпольского героя, выпускник Петербургского университета — благодаря служебному опыту, симпатиям людей, которыми руководит, и способностям достигает власти (с. 252–354). Пётр Аркадьевич — «очень

крепкого сложения и прекрасного здоровья. Работоспособность его удивительна. С самого раннего утра и до поздней ночи он работает, не признавая утомления» (с. 273). Премьер работает допоздна, всегда ровен и спокоен с подчинёнными, вежлив, аккуратен и чётко образован, в совершенстве владеет иностранными языками, любит прогулки и пение птиц и не любит путаницы и нечёткости в работе, однако простить не может в людях только одного — лжи (с. 273–275). Столыпин спокоен в экстремальных условиях — в момент покушения думает только о деле, детях, Боге и государе (с. 5–7). Пётр Аркадьевич посвящает себя борьбе с мятежами (с. 22), за землю для крестьян (с. 22, 24) и за политическую свободу (с. 25) — «истинную свободу и порядок, возведённых с высоты престола» (с. 26). Столыпин за правовое государство, за исполнение норм Манифеста 17 октября, веротерпимость и неприкосновенность личности, последовательные реформы, но он говорит разрушителям и изменникам России: «Не запугаете!» (с. 26–45). Его правительство «чисто русское» — стойкое и либеральное (с. 45–47), а сам премьер — «герой-рыцарь, которого ждёт царь для спасения России» (с. 52). Одновременно Столыпин — человек, не боящийся нарушить формальную букву закона для спасения государства (с. 54–57).

ПОКУШЕНИЕ 1 СЕНТЯБРЯ

Отклики на трагическую смерть Столыпина на первый взгляд не изменили его образа в русском обществе, а лишь повторили основные мнения и оценки, даваемые с позиций разных политических сил. Так, «Русское знамя» — печатный орган Союза русского народа — замечало: «Мы неустанно боролись... против минувших ошибок П. А. Столыпина»⁸.

«Столыпин не представлял собой лицо, про которое можно было бы сказать: «Это государственный деятель». С достаточно скромным развитием, не будучи выдающегося ума, он большую часть своей жизни провёл в провинции... Политику — сидения между двух стульев — принял на себя Столыпин и её держался вплоть до самой кончины, с тем лишь различием, что вначале пребывания у власти он клонил влево, заискивая расположение республиканских кругов, а в последнее время попятился значительно обратно, стремясь сохранить в своих руках уже ускользавшую от него власть, каковую всё-таки так и не удержал»⁹.

В кадетской «Речи» находим почти аналогичные критичные суждения: «Мы

всегда боролись с политикой Председателя совета министров, были его последовательными политическими противниками, но цель наша и состояла прежде всего в том, чтобы навсегда из русской жизни исчезли кровавые ужасы, исчезли кровавые политические преступления»¹⁰. «Всем уже было ясно, что Столыпин совершенно исчерпал себя. Он остался у власти безо всякой программы. О превращении России в «правовое государство» перестали и говорить»¹¹.

Ленин откликнулся на смерть Столыпина в газете «Социал-демократ», где дал развёрнутую характеристику его политической деятельности. Эта статья — «Столыпин и революция» — стала базой для формирования официального политического и историографического дискурса советской эпохи. На страницах ленинской статьи Столыпин предстаёт «вешателем», представителем своего класса — дворянства. В интересах этого класса и монархии, согласно Ильичу, он не мог поступать иначе, чем поступал: «Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту буржуазную политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, ища себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, последнем мыслимом для царизма пути»¹².

Власть и особенно сторонники Петра Аркадьевича, как и следовало ожидать, в связи с его трагической смертью организовали серию памятных мероприятий, нашедших отражение не только в пышных похоронах погибшего премьера, но и в воздвижении ему памятника, многочисленных скорбных и прочувствованных публикациях и адресах. Надо отметить, что «ореол мученика» стал формировать вокруг ушедшей фигуры новое пространство памяти.

Приведём несколько характерных высказываний. «В критическую минуту он спас от развала русскую государственность, направил её в спокойное русло и своей грудью, своей кровью защищал её от ударов и подкопов со стороны врагов России. Мы понимаем, что эта выполненная им задача должна была вызвать ожесточённую ненависть революционных шаек, но она же вызвала к нему глубокое уважение и искреннюю любовь